

ТЕКСТ КАК ОСМЫСЛЯЮЩИЙ ДИАЛОГ И ЗАШНУРОВЫВАЮЩАЯ МЕТАФОРА:

Опыт сопряжения подходов Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина

Г. А. Тульчинский^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Поступила в редакцию 21.11.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3

Представлена рефлексия по поводу проекта Юрия Лотмана о переориентации семиотики с анализа структур на анализ текстов и их бинарную диалогическую природу. Эта идея позволяет соотносить подход Лотмана с бахтинской концепцией непрерывного смыслопорождающего диалога. Сопряжение этих подходов открывает новые возможности для расширения семиотического анализа процессов смыслопорождения, реализации метафоризации, динамики культуры, соотношения социального и личного опыта в этой динамике. Выявлены перспективы расширения аппарата семиотики, такие как нарративный подход, глубокая семиотика, анализ динамики социальной институционализации знаковых структур. Это, в свою очередь, открывает новые горизонты развития теории смысла и понимания, сближения и сопряжения семиотической и герменевтической традиций, аналитической философии и феноменологии, абстрактного моделирования и роли субъективности (самосознания самости). Такие расширения и перспективы реализуют потенциал семиотики как эффективной концептуальной платформы междисциплинарности и конвергенции научных дисциплин в понимании происходящих трансформаций и ответственного социально-культурного инжиниринга.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, метафора, Михаил Бахтин, семиотика, смысл, текст, Юрий Лотман

Доклад Юрия Михайловича Лотмана 13 марта 1981 года на семинаре в Тартуском университете содержит россыпь идей, порождающих важные, актуальные и перспективные ассоциации, открывающие новые горизонты развития семиотики, теории смысла и понимания, междисциплинарности, сближения и сопряжения семиотической и герменевтической традиций, аналитической философии и феноменологии, абстрактного моделирования и роли субъективности (самосознания самости).

1. От знаков и языка к текстам и диалогу

Прежде всего речь идет о смещении фокуса внимания семиотического анализа *со знаков и языка на тексты и диалог*. Собственно, сам семинар был посвящен активно обсуждавшейся в то время теме взаи-

модеиствия левого и правого полушарий головного мозга, которое интерпретировалось как взаимодействие дискретного (дискурсивного) и континуального (образного, аналогового) информационных кодов. При этом мозолистое тело, соединяющее два полушария, понималось как «кабель», обеспечивающий перевод из одного кода в другой (Иванов, 1978). Со временем выяснилось, что такая модель носила довольно упрощенный характер: каждое из полушарий способно к различным кодировкам, степень их асимметрии зависит от акцентированной доминанты правой или левой руки и т. д. Но метафора была довольно яркой, стимулирующей, особенно в случае ее применения к семиозису культуры. Однако Лотмана интересует не столько возможность проведения аналогии, сколько природа, причина избыточности семиотических систем: если в теоретических моделях рассматривается один канал коммуникации, то в реально работающих системах действуют минимум два канала. А в более общем случае — «вопрос о том, почему в системе социальных коммуникаций мы наблюдаем разнообразие индивидуальностей» (Лотман, 2022, с. 10). Действительно, почему в культуре циркулирует такое изобилие текстов? Зачем эта избыточность сообщений? И наконец, почему и зачем мы все такие разные? Получается, что традиционная (классическая, «структуральная») семиотика приходит к «антиномиям, по сути дела, к абсурду» (Лотман, 2022, с. 11). С одной стороны, получается, что культура как коммуникативная система в своей природе дефективна, неспособна к адекватной передаче сообщений. И чем развитее, сложнее культура (например, в поэтических текстах), тем она оказывается дефективней. С другой стороны, дефективна сама традиционная теоретическая семиотика, исходящая из предположения, что коммуникация настроена на передачу сообщения без изменений. В этом случае фактически предполагается идентичность кодирующих / декодирующих устройств источника и адресата, представляющих одной и той же личностью, что обесмысливает саму коммуникацию.

Формулировка этой парадоксальности Лотманом принципиально важна для развития семиотики. Всякий парадокс свидетельствует об ограниченности концепции, о необходимости ее расширения. Так, для описания целых яблок достаточен язык целых положительных чисел, а в случае с дольками возникает «парадокс» — то ли они есть, то ли их нет, и становится необходимым аппарат с дробями. Так, собственно, развивается любая наука, расширяя и расширяя свой горизонт.

Лотман фактически и делает шаг к новому горизонту семиотики, выводя ее за рамки рассмотрения в границах понимания коммуникации как линейных процессов трансляции информации. И это принципиально важно для понимания сути знаковых систем и порождающей их коммуникации. Если информация суть мера разнообразия, данные — то, что измеряется в битах, байтах, гигабайтах, то коммуникация — это передача информации осмысленной (кем-то и как-то). Именно такой информацией и занимается семиотика как теория знаковых (имеющих значение и смысл) систем. Как было показано Ю. А. Шрейдером в его модели семантической информации (Шрейдер, 1965), для прироста осмысленной информации необходимо только частичное совпадение

тезаурусов (баз данных с прослеженными смысловыми связями между данными). В случае их полного несовпадения адресат просто не поймет сообщение. А в случае их полного совпадения прироста понимания тоже не будет. Новые осмысления возникают только при взаимном дополнении тезаурусов участников коммуникации. А это означает, что семиозис предполагает взаимодействие и взаимодополнение различных (как минимум двух) знаковых систем, каждая из которых в отдельности не претендует на полноту знания (понимания, осмысления). «Традиционная семиотика занималась вопросами передачи информации, и тогда схема “один канал — один язык — одна структура” является адекватной. В случае семиотики, ориентированной на смыслопорождение, требуются уж многомерные модели» (Золян, 2022, с. 113).

В этом плане сообщающий (источник, адресант) и принимающий сообщение (адресат, реципиент) вместе образуют «базовую ячейку», единый механизм порождения смысла. В коммуникации происходит постоянный сдвиг содержания сообщений — «не простая автоматическая трансформация текста по некоторым однозначным алгоритмам, а непредсказуемая трансформация в новое сообщение» (Лотман, 2022, с. 13). И эта базисная структура проявляется, реализуется на всех уровнях семиозиса — в тексте, личности, социуме, культуре (Лотман, 2022, с. 13), как «матрешка» (или, как сейчас бы сказали, фрактал) биполярности (Лотман, 2022, с. 14).

Из этого следует несколько важнейших обстоятельств. Во-первых, как полагает Лотман, возникает необходимость пересмотра соотношения текста и языка. Текст предстает не некоей упаковкой, извлекающей сообщение из возможностей языка, на котором формируется текст. Наоборот, текст предстает динамичной, гетерогенной системой, в формировании которой задействовано как минимум два языка. Например, чтение предполагает взаимодействие зрительной, слуховой и дискурсивной кодировок. И тогда «не языки создают тексты, а тексты создают языки» (Лотман, 2022, с. 13). Именно тексты суть исходный уровень генерации содержания коммуникации. И в этой связи Лотман отводит особую роль художественным текстам с их возможностями многократных интерпретаций, а «нехудожественные тексты — это частный случай художественных» (Лотман, 2022, с. 14).

Ключевая роль текста в смыслообразовании, а также необходимость пересмотра соотношения текста и языка несомненны. Однако, как представляется, дело обстоит несколько сложнее, что связано со встроенностью в смысловое содержание текста «базовой ячейки» коммуникации — матрицы взаимодействия как минимум двух языков (источника и реципиента). Другими словами, тексты все-таки предполагают языки, но в их динамическом взаимодействии.

Поэтому, во-вторых, и это наиболее существенно, текст как базовая гетерогенная семиотическая «ячейка» предстает как диалог — «почти всегда разговор на разных языках», но с презумпцией заинтересованного понимания (Лотман, 2022, с. 16). «...Каждый текст — это... застывший диалог, еще только зерно, которое должно прорасти. Как только оно попадает в коммуникативную ситуацию, оно дает диалогическую

структуру» (Лотман, 2022, с. 18). При этом Лотман ссылается на известную работу М. Бубера «Я и Ты» (Бубер, 1993), связав ее с «международным контекстом очень напряженной мысли, поисков “Ты”» в 1920-х годах (Лотман, 2022, с. 16), а также упоминает в этом контексте «пионерскую работу» Михаила Бахтина. В этот ряд «очень напряженной мысли» о роли диалога можно было бы еще добавить Эммануэля Левинаса (Левинас, 2006) и Мартина Хайдеггера (Хайдеггер, 2015), но концепция Бахтина заслуживает особого внимания — и не только в силу ее приоритетности, а благодаря перспективам, открывающимся за лотмановской идеей диалогичности как базовой семиотической ячейкой смыслопорождения.

2. Смыслопорождающий диалог как процесс: how to Bakhtin a Lotman

Одна из статей Дэвида Каплана по логической семантике в *The Journal of Philosophy* называлась «How to Russell a Frege-Church», буквально — «Как расселить Фреге — Чёрча», то есть как можно понять содержание концепций Г. Фреге и А. Чёрча с помощью концепции Б. Рассела. Так и в данном случае: попытка «бахтинить Лотмана» может дать любопытные результаты.

У Бахтина и «его круга» были очень непростые отношения с семиотиками, которые отвечали им взаимностью. Очевидно, сказывалось активное участие Бахтина со товарищи в критике формального метода ОПОЯЗа и структурализма. Правда, в этих отношениях не обошлось без парадоксов, созданных самой жизнью. Так, сказалась рецепция работ Бахтина, «обратная» хронологии их написания. В 1960-х, после защиты диссертации и публикации книги о Рабле, ее перевода на французский и активного цитирования французскими семиотиками и структуралистами, Бахтин предстал как мыслитель структуралистской парадигмы. Причем сложилась удивительная, даже парадоксальная ситуация, когда такой классик структурализма, как В.Б. Шкловский, выступил с критикой книги Бахтина о творчестве Рабле за абстрактный схематизм. Затем последовала публикация работ о поэтике Достоевского с темами о диалоге и герое. При этом также не обошлось без искажений в рецепции авторской концепции: идея диалога и диалогичности была понята преимущественно в коммуникативистском контексте, в отрыве от осмысления человеческого бытия как «со-бытия». И только с публикацией раннего развернутого конспекта под названием «К философии поступка» раскрылся масштаб Бахтина как мыслителя — метафизика нравственности, принципиального и глубокого персонолога. Одновременно в его работах об авторе и герое, диалогической поэтике Достоевского стал очевиден второй, более глубокий сущностный план феноменологии формирования самосознания, субъектности, зависимости этого процесса от социально-культурного контекста, а в работе о Рабле — от динамики самого этого контекста.

Ключевым для Бахтина является понятие «творящего (поступающего) сознания», «участного мышления». Оно имеет «хоровую», или «внутренне социальную», природу опоры на «дружество» в «со-бытии» и про-

является в поступках как вменяемых действиях. Не только творчество, но сам факт включенности человека в бытие делает всю его жизнь ответственным со-бытийным поступком. В этом коренятся такие известные бахтинские концепты, как «не-алиби в бытии», «хронотоп», «чужая речь» и т. п., без которых теперь трудно представить современную филологию и философию культуры.

Бахтинская идея ответственного участного творящего сознания стала критическим ответом на объективистский антипсихологизм философии того времени, она была направлена на преодоление разрыва между «смысловым содержанием» и действием: эмоционально-волевой тон субъекта становился неотъемлемой частью «культурного целого», что принципиально отличает Бахтина от других исследователей проблемы смысла. Бахтин обнаруживает в проявлении смысла принципиальную разницу самопереживания и переживания мною другого (Бахтин, 1996, т. 5, с. 344). В любом осмысленном высказывании скрыты ответы на вопросы, чужие реплики. Эта смена речевых субъектов есть проницаемая для автора временная граница между индивидуальными кругозорами, как средство построения большего целого, форма самоотрицания во имя органического целого множества точек зрения (Бахтин, 1996, т. 5, с. 198). Игнорирующий смену монологизм не позволяет правильно понять смысл, который не сводится к одному абстрактно-объективному значению — части, выдающей себя за целое.

Человек пытается постичь бесконечное разнообразие мира. Но, будучи существом конечным во времени и пространстве, он вынужден делать это всегда с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то аспекте, с какой-то целью, то есть в каком-то смысле. Именно это является источником смыслообразования. Вне человека и его самосознания смысл не возникает. Для Бахтина диалог — не просто языковой феномен, а порождающая смысл сопричастность конечного — бесконечному, смертного — бессмертному. Активное выстраивание смысла предполагает вхождение соавтором в длящееся столетиями и тысячелетиями диалогическое взаимопонимание народов, наций и культур. Как любой диалог не умещается в кругозор одного сознания, так нет и «смысла в себе» — он существует только как звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом и может быть реальной (Бахтин, 1996, т. 6, с. 410). В бахтинской идее диалогической полифонии прослеживается связь с учением Николая Кузанского, согласно которому наличие уникальных видений мира не дает полноты знания замысла Бога. Бахтин был знаком с этими идеями благодаря Э. Кассиреру, работы которого он внимательно читал. Сам он называл неизбежное разнообразие точек зрения «избытком видения», реализуемым в диалоге. В дальнейшем он использует термин полифонии для обозначения «диалогического согласия» («романного резонанса», когда любой персонаж (включая автора) исследует, дополняет свои и чужие идеи).

Диалог у Бахтина четко ассоциируется с «последним целым». Каждое звено этой исторически растущей цепи снова и снова обновляется, как бы рождаясь заново, и когда-то забытые смыслы способны ожить в новом контексте. Осмысляющий диалог предстает устремленным в бу-

дущее блокчейном, обновляющимся с каждой новой итерацией в «большом времени», где «у каждого смысла будет свой праздник возрождения» (Бахтин, 1996, т. 6, с. 434–435), а целое полноты осмысления остается заданным, но не данным. Бахтинское понимание диалога в этом плане близко не только и не столько к трактовкам диалога Бубера или Левинаса, сколько к апофатичности восточного христианства и неоплатонизма, в которых Божественная сущность непосредственно не дана, но выявляется в ее заданности. Для Бахтина осмысление и смыслообразование — процесс в «большом времени», направленный к полноте осмысления, которую сам Бахтин связывал с «абсолютным будущим» («Буди! буди!»). Эта христологическая установка принципиально отличается комплекс идей Бахтина как от его модернистской современности, так и от постмодернистских «деконструкций».

Такой непрерывный в «большом времени» диалог предполагает Третьего — высшего наддресата, к пониманию которого апеллируют участники (Бог, абсолютная истина, совесть, народ, суд истории, научная истина и т. п.), что близко идее «сверхсмысла» (В. Франкл), придающего смысл индивидуальному конечному бытию. Это позволяет внести дополнительный контент в понимание реплики Лотмана о «презумпции заинтересованного понимания» как условия реализации диалога на разных языках.

Дело, однако, не столько в христологической трактовке смыслопорождающего диалога, сколько в погруженности диалога как процесса в «большое время» культуры. Такое понимание смысла — что он не дан (как в концепции Г. Фреге), а задан, близко концепциям Ф. де Соссюра (смысл разворачивается в процессе речи), Н. Лумана (его постоянное перевоссоздание в медийных коммуникациях), что делает возможной технологическую операционализацию такой модели, например как «блокчейна». Так или иначе, но бахтинская концепция непрерывного осмысляющего диалога позволяет лучше понять и развить идеи Лотмана. С позиций Бахтина текст предстает не застывшим диалогом, его зерном, которое ждет попадания в коммуникативную ситуацию, а является порождением диалога, даже не продуктом и плодом, а проявлением, знаком участности.

Однако, в свою очередь, не менее важен встречный процесс в «осмысляющем диалоге» двух великих гуманистов — возможность «лотманить Бахтина». Так, лотмановская идея бинарной матрицы текста позволяет раскрыть семантический механизм смыслопорождающего диалога.

3. «Зашнуровывающая» метаформа и «блокчейн» осмысляющего диалога: how to Lotman a Bakhtin (как семиотить и опоязть Бахтина)

Смысл возникает не на пустом месте. Смыслообразование и его формы, такие как понимание, познание, суть результаты семиозиса как перехода от знания неполного, неточного к все более точному и пол-

ному. Другими словами, смысл возникает тогда, когда семиотическая система выходит за собственные рамки, извлекая из старого опыта новое знание, которого в этом опыте еще не было или было, но неявно.

В принципе, такой процесс может развертываться в трех вариантах. Во-первых, как некая детализация и конкретизация исходной смысловой структуры, как внутриконтцептуальное достраивание пазла в исходной рамке. Во-вторых, это может быть некая надконтцептуальная реконструкция извне, с позиции более общей смысловой структуры. Наконец, в-третьих, как взаимодействие («горизонтальный диалог») двух смысловых структур — исходной и внешней. При этом очевидно, что третий вариант является общим случаем, тогда как первые два — его вырожденными версиями. Именно осмысляющий диалог выступает базовой процедурой, механизмом смыслообразования. Ключевую роль играет столкновение смысловых структур, их диалогическое «взаимооплотнение».

И Лотман, и Бахтин были глубоко правы оба: диалогичность — фундаментальная характеристика человеческого мышления. В этом они не одиноки: идея диалогического, вопрос-ответного характера осмысления и познания в целом в различных вариациях неоднократно высказывалась Платоном в его диалогах (!) о Сократе, Р. Декартом в его учении о методе, Ф. Бэконом в «Новом Органоне», да и в Новейшее время историком Р. Коллингвудом, историком и социальным психологом Б.Ф. Поршневым в его концепции дипластии сознания. Более того, можно сказать, что «диалогичность» эволюционно закреплена в нейрофизиологии головного мозга, состоящего из двух полушарий и получающего сигналы от парно разнесенных органов зрения, слуха и обоняния, двух пар верхних и нижних конечностей. Но важно понять сам механизм диалогически заданного смыслообразования. И тут не обойтись без структурного подхода, выявляющего механизм «сделанности» смыслообразования.

Структура любого текста образуется из комбинации высказываний, то есть утверждений и отрицаний. А любое высказывание (суждение), в свою очередь, имеет структуру «S есть / не есть P» и тем самым приписывает (или отрицает) полное или частичное тождество разных понятий. Речь идет о структуре и операции отождествления нетождественного, уподобления неуподобляемого, иначе говоря — о метафоре, роль и значение которой в познании признана давно не только в когнитологии, но и в теории культуры, медиа и т. д., вплоть до политологии и урбанистики (Гусев, 1984; Лакоф, Джонсон, 2008; Miall, 1993; Ortony, 1982).

Метафора свойственна не только поэзии, мифологии... В основе любого термина, даже в естествознании и точных науках, лежит исходная метафора: сила, поле, ток, напряжение, спин, черная дыра, струны и т. д. Отличие этих метафор от художественных только в том, что они поддаются операционализации и измерению, а иногда и наблюдению. Никто не видел электрический ток как таковой (например, как «направленное движение электронов»), но можно измерять его силу, напряжение и т. п. Некоторые метафоры носят фундаментальный характер, определяя картину мира в целом (мифы о сотворении, мир как механические часы, как порождающий хаос и т. д.).

Как замечает Лотман, в какие-то моменты культура отождествляет себя с кинематографом, или поэзией, или алхимией, или крестовыми походами (Лотман, 2022, с. 16), когда некая социально-культурная практика, вид искусства или жанр становятся генераторами метафор, доминирующих в осмыслении действительности. Анализ причин и факторов этой динамики — благодатное поле исследования динамики семиозиса культуры (Гульчинский, 1985). И Лотман предлагает плодотворный вектор этой аналитики: выдвигание такой доминанты важно для обеспечения внутрикультурных диалогов, в которых участники, реализуя «презумпцию заинтересованного понимания», перенимают языковые коды друг друга, подобно тому как мать отказывается от нормального языка, переходя на лепет и жесты малыша, чтобы достичь с ним взаимопонимания (Лотман, 2022, с. 17). Такие заимствования и задают необходимое «избыточное» смыслообразование, одновременно выступающее полем поиска доминанты (языковой и смысловой) в диалоге. И такая доминанта может выполнять роль упомянутого Третьего. Тогда Ренессанс осмысляет действительность через призму Античности, советские философы — через призму марксизма-ленинизма, а современные политики — через опыт Великой Отечественной войны.

Но в основе этого процесса, соответствующих семиотических механизмов и конструкций — уподобление неизвестного известному. Обычно развитие знания понимается как путь от накопления разрозненных данных, характеристик, признаков, свойств к их систематизации, выстраиванию все более общих целостностей. Но не менее важен и встречный путь: от некоей уникальной целостности — к выделению ее все более детализируемых свойств. Именно так и начинается расширение жизненного опыта человека. Сталкиваясь впервые с неким явлением, например водой, теплом или огнем, он только потом, по мере расширения знания, включая научное, узнает химическую формулу воды, что тепло — это скорость движения молекул, а огонь — интенсивное окисление.

Семиотический механизм этого процесса — переход от употребления имен собственных и указательных местоимений к все более усложняемым предикациям, описаниям. Аналогичным образом ребенок впервые использует слова «стол», «собака» и т. д. скорее как имена собственные и лишь по мере развития и усложнения своего опыта приходит к осознанию общего характера этих понятий. Фактически речь идет о динамике соотношения двух основных форм фиксации и выражения знания: непосредственного указания предмета и его описания.

Собственно, об этом процессе писал еще Аристотель, выделявший две характеристики вещей: нерасчлененную индивидуальную неповторимость вещи и ее свойства, общие ряду объектов. В этой связи он говорил о «первых» («первичных») и «вторых» («вторичных») сущностях (Аристотель, 1976). Поскольку «вторые» сущности связаны с характеристиками, объединяющими предмет с другими в некое множество, постольку за этими сущностями в истории философии закрепилось их обозначение как «общих». Вопрос об общей сущности есть вопрос о

принадлежности понятия вещи определенному роду. «Первая» же сущность настолько связана со своим объектом, что никакой другой объект не может ею обладать. Поэтому за этими сущностями закрепилось именование их «индивидуальными».

К Аристотелю же восходит и трактовка выражения содержания знания с помощью определений через род и видовые отличия. И хотя он подчеркивал первичную роль индивидуальных (первых) сущностей, так как предельный вид не может использоваться в качестве рода по отношению к чему-то другому, развитие знания представало у него преимущественно как оперирование общими сущностями. Это соотношение индивидуальных и общих сущностей ярко выразилось в знаменитом споре об универсалиях в средневековой схоластике. Для реалистов (неоплатоников, томистов), утверждавших изначальную реальность Божественной сущности, обладающей универсальными предикациями, недоступными чувственному опыту, постижение мира представало преимущественно как результат умственных рационализаций. Для номиналистов наибольшей реальностью обладают индивидуальные сущности, индивидуальная природа вещей, их *haecceitas* (этовость, этость).

Вопросы о соотношении и взаимосвязи этих способов указания, возможности их редукции друг к другу в конце прошлого столетия вышли на первый план в обосновании систем логического анализа, в первую очередь модальных и интенциональных логик. Так, согласно одной точке зрения (Д. Льюис, Я. Хинтикка, Э. Сааринен, Я. Тихи и др.), указание объекта осуществляется посредством сравнения наборов свойств, характеризующих его в альтернативных системах описания («возможных мирах»), каждый раз новой его идентификацией «сквозь миры». Поэтому такой подход условно можно назвать функционально-описательным. Согласно другой концепции, анализ начинается не с систем описания, а с конкретных индивидов, и вопрос поэтому заключается не во всякий раз новой идентификации, а скорее в нахождении некоторого «твердого десигнатора» (С. Крипке), «имени субстанции» (К. Донелан), «индексного имени» (Х. Патнэм), обозначающего нечто, существующее во всех альтернативных описаниях и обладающего устойчивым набором свойств. Крипке, например, полагает, что критерии указания объекта задаются не по некоторым свойствам, а за рамками системы описания (Kripke, 1972, p. 272–273).

Однако «изобретение все более тонких способов обойти логико-семантические трудности не заменяет философского осмысления, имеющего большую историю» (Попович, 1979, с. 240). Поэтому необходимо рассмотрение не только и не столько различий, сколько соотношения и взаимосвязи между описательной и нормативно-указательной идентификацией в контексте развития и совершенствования осмысленного знания, его возникновения, уточнения и роста.

Это соотношение улавливается, например, в двух вариантах ответа на вопрос «Кто написал эту работу?»: «Профессор такой-то кафедры такого-то университета» и «Вот этот господин». В связи с подобными различиями Б. Рассел отличал «знание по описанию» от «знания по знакомству». Последнее он считал фундаментом познания, единствен-

но гарантирующим адекватность идентификации, поскольку оно предшествует любым характеристикам и описаниям. «Мы говорим, что мы знакомы с чем-либо, если это нам непосредственно известно, — без посредства умозаключений и без какого-то ни было знания суждений» (Рассел, 1914, с. 35). Показательно, что этой фундаментальной для него идее теории познания Рассел не изменил на протяжении всей своей длительной и временами радикальной философской эволюции.

Знание по знакомству Рассел связывает с некоторым «полным комплексом переживаний», образующим единое целое из зрительных, слуховых, осязательных и других восприятий и впечатлений. Такое знание апеллирует ко всему этому комплексу в целом без различения его составляющих. Именно знание по знакомству фигурирует при использовании имен собственных, а также указательных местоимений, необходимость в которых, согласно Расселу, «связана с нашим способом приобретения знания и исчезла бы, если бы знание было полным» (Рассел, 1957, с. 343). Иначе говоря, необходимость в знании по знакомству возникает в тех случаях, когда наши знания не дифференцированы в систему описаний. В этом плане Рассел принципиально противостоит Лейбницу, утверждавшему, что полное индивидуальное понятие (соответствующее индивидуальной сущности) всегда является конъюнкцией всех общих свойств объекта.

Именно с установкой на знание по знакомству в качестве исходной точки роста знания фактически связана и концепция твердой десигнации: употребление имен собственных не требует знания всей совокупности описаний объекта и обеспечивает зачастую более точную идентификацию, более точно указывает на объект, чем целая система описаний и определений через род и видовое отличие. Однако ни Рассел, ни современные логические семантики не идут дальше различения и противопоставления двух путей идентификации. Между тем, несомненно, особый интерес представляет рассмотрение реального процесса идентификации, когда обе крайности оказываются не принципиально различными, противостоящими друг другу способами указания, а сторонами, аспектами возникновения и развития знания. А это как раз ситуация диалогического характера смыслообразования.

Описательная и нормативно-ценностная идентификация — две стороны действия общего механизма осмысления действительности, носящего принципиально диалогический характер взаимодействия его семиотических подсистем. Суть дела оказывается не в противопоставлении способов их указания, а во взаимодействии и взаимосвязи этих способов и соответствующих средств (Тульчинский, 1986). Одна из подсистем осмысления обеспечивает накопление и развертывание описаний и других характеристик явлений, другая — устойчивость и преемственность динамики осмысления посредством отождествления вновь вводимых описаний с имеющимися твердыми десигнаторами.

Эта динамика осмысления воспроизводится в развитии научного знания и в соотношении чувственного и рационального, эмпирического и теоретического. Так, раскрытие значения и смысла эмпирических

фактов и наблюдений, их объяснение дает гипотезы и теории, то есть дополнительное знание, за счет синтеза которого с фактами и достигается осмысление данных опыта, возникает новое знание. Однако именно эмпирические данные позволяют контролировать развитие знания посредством установления соответствия гипотез и теорий фактам. Единство же теоретического и эмпирического посредуется логической связностью и непротиворечивостью единой системы знания.

Между описательной и нормативной идентификацией нет и не может быть пропасти, поскольку это не две различные формы семиозиса осмысления действительности, а взаимодополняющие друг друга стороны единого когнитивного процесса смыслообразования, постоянное взаимодействие (диалог) которых обеспечивает поступательное развитие знания. Их взаимоотношение проявляется как установление аналитически истинного тождества неизвестного с уже известным, как отождествление нетождественного, то есть как метафора.

Начинаясь со знания неполного, развитие знания и осмысления продолжается во все более дифференцированном указании все более точных описаний и определений первоначально нерасчленимо целостной характеристики. Однако аналитическая истинность таких описаний и определений обеспечивается и подкрепляется всегда указаниями тождества вновь вводимой описательной идентификации с идентификацией нормативно-указательной, введенной ранее. Например, если обратиться к приведенным ранее примерам, тепловые явления первоначально объяснялись через ощущение тепла. Затем выяснилось, что причина их заключается в движении молекул. Это знание следовало определить как необходимо истинное в самом строгом смысле слова, поскольку не мыслима такая система описания, в которой тепловые явления не проявлялись бы через движение молекул. По этой причине термин «молекулярное движение» составляет в паре с первоначальным твердым десигнатором «тепло» необходимо истинное утверждение тождества.

Проведенное семиотическое уточнение бахтинского смыслообразующего бесконечного диалога может быть уподоблено формированию «блокчейна» любой смысловой картины мира: в рамках личного индивидуального опыта, конкретной науки, человеческого знания в целом.

Предложенный подход позволяет уточнить соотношение в динамике осмысляющего диалога индивидуального и социального опыта в терминах «глубокой семиотики», расширяющей семиотический анализ за счет акцентирования роли самосознания (субъектности) личности, рассматриваемой как источник, средство и результат осмысленного знания, и различия в структуре смыслового содержания опыта социальных значений и личностного смысла (Тульчинский, 2018; 2019). Осмысляющая метафора реализуется как бы между двумя полюсами смысловой структуры: указанием предметного значения и переживанием как компонентом личностного смысла. Осмысление не сводимо к адекватному указанию предметного социального значения. Абсолютизация такого указания, сведение к нему характерны для структурализ-

ма и аналитической философии. С другой стороны, осмысление не сводимо и к глубинным переживаниям субъекта. Смыслообразование — всегда диалогическое столкновение семиотических структур, ориентация и «наведение» мысли с сохранением непротиворечивой связи с уже закрепленным знанием. Такие аналитически истинные метафоры как бы «зашнуровывают» сферу неизвестного с помощью уже известного, все более расширяя тем самым сферу осмысленного знания.

Поскольку описания и определения выявляются по мере вовлечения объектов в сферу социальной практической деятельности, постольку выраженное в них знание социально, оно транслирует социальные значения. И хотя развитие социального знания и опыта предполагает наличие знания индивидуальной личности, отдельный индивид не обладает «полным» знанием о каждом объекте. Носителем исторически определенной полноты знания являются субъекты, профессионально занимающиеся определенным видом деятельности в силу общественного разделения труда, например ученые, специалисты, эксперты. Человеку же обычно достаточно знания «частичных» значений, а нехватка знания вполне компенсируется твердой десигнацией личного опыта или отсылкой к нормативному авторитету специалиста.

Связь нормативной идентификации с авторитетом выводит анализ динамики осмысления и роста знания в контекст социальной коммуникации. В этом плане могут быть по-новому рассмотрены проблема «герменевтического круга», роль классических произведений в развитии художественной культуры, которые в историческом «большом» времени живут более полной и интенсивной жизнью, чем в культуре, их породившей. Очевидно, достигается это за счет богатства связей и ассоциаций данных произведений как с прошлыми, так и с современными культурами. Такие произведения ведут себя фактически как твердые десигнаторы, выполняя роль связующих нитей между культурами, обеспечивая преемственность в их развитии. В основе динамики осмысления не могут лежать простые отступления от образца, ошибки, искажения нормы и закрепление их в практике (аналогично игре в «испорченный телефон»). Общество не могло бы существовать, если бы в каждом акте деятельности оно не воссоздавало определенный «блокчейн» смысловой картины мира, динамика которой реализуется как выражение сдвигов традиционного и нетрадиционного в культурах и практиках.

4. Необходимость контакта

Показательно, что для Лотмана смыслообразующий диалог (даже с учетом его непрерывной заданности) не является некоей абстрактной моделью, схемой, а предполагает *необходимые конкретные контакты* носителей взаимодействующих семиотических систем. Простое наличие двух сторон еще не есть диалог — нужен их конкретный контакт (Лотман, 2022, с. 15). Идея, предполагающая, что если что-то сказано или написано, то теперь это все знают, — очень сильное допущение. Его романтичность хорошо известна авторам «незамеченных» текстов и

идей, художественных или научных: им остается только надеяться на бахтинское воскрешение в «большом времени». Для человека как генератора, транслятора и восприемника смысла очень важно быть даже не столько замеченным и окликнутым (П. Гиллих), сколько хотя бы услышанным. Недаром у П. А. Флоренского и Т. Манна отмечаются близкие образы ада как полной неустыжиданности. И хотя в судебной практике фигурируют иски к авторам высказываний (в научных, художественных, медийных текстах), адресованных «неустановленному кругу лиц» (свидетельство того, что как незнание закона от ответственности не освобождает, так и «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» — вплоть до правовой ответственности), но вряд ли в этом случае можно говорить о полноценном участии в смыслообразующем диалоге.

Еще одно важное лотмановское наблюдение, связанное с реализацией контакта в диалоге, — его дискретность, прерывистость (*dixi* — я сказал, теперь говори ты), объясняющаяся необходимостью концентрации на источнике и рефлексии (Лотман, 2022, с. 17), реализующих важную для Лотмана «презумпцию заинтересованного понимания».

5. Дальнейшие расширения

Несколько соображений относительно расширения высказанной в лотмановском докладе программы сдвига семиотической парадигмы.

Прежде всего это касается особой роли в смыслообразовании такого вида текстов, как *нарративы* — рассказывание связанных историй. Освоение нарратива сыграло ключевую роль в антропогенезе, совершив около 6000 лет назад «когнитивную революцию, давшую *Homo sapiens* радикальное конкурентное преимущество по сравнению с другими видами *Homo* (Харари, 2019). Если сигнальная коммуникация позволяет консолидировать не более 100–120 индивидов, то переход к коммуникации нарративной создал основу общей смысловой картины мира, способной консолидировать сотни, тысячи, а теперь и миллионы людей. Мифы, религии, идеологии, экономика, деньги, наука, образование, медиа — все это результаты нарративных коммуникативных практик.

Как показали нейрофизиологические и когнитивные исследования, именно освоение нарративной коммуникации играет ключевую роль в формировании сознания и самосознания — в первую очередь речь идет об осваиваемой к 3-му году жизни ребенка нарративу от первого лица, когда у человека начинает формироваться его рефлексивная память, самосознание самости, *autobiographically self* (Damasio, 2010), связанный текст истории его жизненного опыта, в котором он играет активную роль. Социализация, освоение социально-культурных практик, сопровождаемое нарративом сначала родителей, потом других близких, учителей, коллег, вырывают человека из причинно-следственных связей, делая его *causa sui*, активным и вменяемым актором социальной жизни. Такой «роман» собственной жизни человек с помощью других «пишет» (и «переписывает») на протяжении всего своего сознательного существования (Хенрих, 2018).

Сам Лотман, как и Бахтин, практически не использовал термин «нарративы», хотя уделял большое внимание повествованию, сюжетике, жанрам, мимесису событий. Не случайно П. Рикёр, обратившийся в 1980-е годы к философскому осмыслению нарративности, писал, что следовал «урокам Бахтина», ясно сформулировавшего неотождествимость автора и рассказчика, природу нарративного дискурса как сопряжения события, о котором рассказано, с событием самого рассказывания. Как истина присуща только бытию познанному и изреченному, так и событийность интенциональна — она есть особое, нарративно выраженное отношение сознания к бытию, как со-бытие, с учетом взаимодействия интенций акторов, меняющего смысл бытия. Собственно, именно наррация и «нарезает» континуум бытия на события. Поэтому было бы особенно интересно и полезно переосмысление богатого наследия Лотмана (да и Бахтина) в терминах современной нарратологии, которая из структуралистского проекта «грамматики рассказывания» переросла в социокультурный инструмент формирования, хранения и передачи событийного человеческого опыта, в междисциплинарную область исследований практик формирования и ретрансляции этого опыта.

Другое перспективное поле исследований касается зоны смыслового перехода в диалоге и метафоре. В механизме диалогового взаимодействия выделяются два основных его аспекта: «негативный» (разрушающий) и «позитивный» (созидающий). Первый связан с переносом осмысляемого в иной контекст осмысления, рассмотрением его в иной, несобственной нормативно-ценностной системе, с распатыванием привычных представлений и деструкцией старой смысловой структуры. Второй — с построением нового смыслового ряда, формированием новой системы знания. «Негативный» аспект осмысления обусловлен тем, что возникновение нового знания затруднено действующими стереотипами. Поэтому формирование новых идей предполагает выведение опыта из автоматизма его привычного восприятия и понимания, способность увидеть известное заново, сделав привычное необычным, странным. Платон связывал это со способностью к удивлению, а романтики — со способностью сохранить в своей душе ребенка, все открывающего заново. Эту сторону смыслообразования В.Б. Шкловский удачно назвал «остранением», а Д. Барлоу вслед за ним — дистанцированием, Б. Брехт — очуждением, Ж. Деррида — деконструкцией. Применительно к социальной динамике В. Тёрнер обозначил эту стадию как лиминальную фазу (Тёрнер, 1983). Остранение и лиминальность ярко проявляются в период изменения концептуального аппарата, смены парадигм, методологических установок, когда наступает кризис очевидности, а выдвижение «сумасшедших» идей становится критерием научного прогресса (Кун, 2009).

Однако остранение не может быть самоцелью. В качестве таковой оно выступает, пожалуй, только в нонсенсе и абсурде, где оно становится не средством, а целью и содержанием. Загадка, метафора, аллегория, пародия, критический анализ не ограничиваются игрой смысла, а дополняются позитивным переосмыслением в новой композиции, в

определенной системе практики. С этой точки зрения всякое осмысление есть переосмысление, выстраивание новых смысловых конструкций из остраненных смыслов. Даже в нонсесе остранение предполагает конструктивную деятельность сознания по выстраиванию из остраненных смыслов новых конструкций. Шкловский называл эту стадию монтажом, а Тёрнер – новой агрегацией.

Новые идеи, новое осмысление – не просто разрушение привычного смыслового ряда, это и его пересоздание, включение в осмысляющий диалог. Для художника это новое композиционное решение, для ученого – новое сравнение и построение новой теоретической модели, для инженера – новое конструктивное или технологическое решение, для рабочего или спортсмена – новая последовательность операций и движений. За всем этим стоит одно – новая конструктивная фиксация смыслового содержания социального опыта, его новое программирование. Процесс этот подобен ковке металла, когда его разогрев до состояния полной пластичности, благодаря которой ему можно придать практически любую форму, дополняется остужением, фиксацией нужной формы. Таков, в принципе, путь формирования научной терминологии. У этимологических истоков любого научного термина всегда стоит метафора, одно из значений которой однозначно фиксируется с помощью определений.

Динамика осмысления предстает, таким образом, как систематический нормативно-ценностный смысловой сдвиг. Зачастую благодаря этому сдвигу нечто, представляющееся несущественным и побочным, приобретает фундаментальное значение. Например, в материальном производстве железо и стекло первоначально рассматривались как шлак в медеплавильном и гончарном деле. Рожь и конопля довольно долго рассматривались как сорняки. Важным шагом стало не просто технологическое освоение этих объектов, а именно установление их нового значения и смысла.

Общая динамика опыта и осмысления заключается в постоянной диффузии и специализации форм деятельности и смысловых структур, с ним связанных. Поиски новых идей порождают обилие доктрин, теоретических концепций, привлекают внимание к альтернативным поискам дилетантов и «еретиков», высмеиваемых ранее. Любая самоорганизующаяся система в своем развитии реализует равновесие организации и дезорганизации, синтеза новой информации за счет разложения старой. Это то, что Лотман называл соотношением *Культуры и Хаоса*, за которым открывается широкая перспектива конкретных семиотических аналитик.

Здесь опять проглядывает сопряжение с Бахтиным, его анализом карнавала и смеховой культуры как встроенного в культуру механизма взгляда на культуру из аута, с позиции вненаходимости.

Еще одно расширение связано с *персонологической природой смыслообразования*.

Лотман неспроста в своем докладе называет «психологической семиотикой» (Лотман, 2022, с. 10) перенос внимания со структур на тексты. Социальный опыт реализуется только при условии освоения его лич-

ностью. Именно индивидуальное сознание личности является тем полем, в котором происходят изначальный смысловой сдвиг, остранение и попытки выстроить новое видение реальности. Это выражается в самом процессе организации жизнедеятельности личности, выдвигании на передний план одних ситуаций, отодвигании на дальний план других, преодолении третьих — короче говоря, в проведении личностью своей жизненной линии, обуславливающей неповторимость осмысления ею действительности. Личность — подвижная, способная к самоорганизации и саморазвитию открытая семиотическая система, различные элементы которой стимулируют, взаимопровоцируют, обогащают, нейтрализуют или подавляют друг друга.

Как в профессиональной, так и в бытовой сфере отсутствие предзаданной программы на все случаи жизни вызывает напряженные усилия по формированию нового опыта и осмысления. Именно ситуация непонимания, «удар о границы понимания» провоцирует рефлексию, а в результате рефлексии и новое осмысление, понимание, то есть новые идеи. Через сознание творца проходят улавливаемые только им связи реальности, новая гармония мира, которые он, фиксируя, делает достоянием общества. При этом рациональная мыслительная деятельность — крайне необходимый, но недостаточный элемент динамической целостности и полноты творческой деятельности. Чувства человека, его эмоциональное отношение к действительности не только сопровождают осмысление, но и являются мощным формообразующим фактором, поскольку выражают ценностное отношение человека к реальности.

Новые идеи, новое осмысленное знание не может возникнуть с самого начала как общее. Во всех сферах человеческой деятельности новые творческие приобретения начинаются с личных инициатив, как проявление личностной свободы и ответственности. Лишь затем, приобретая общее социальное значение, они могут становиться нормами. В этом процессе институционализации новых смысловых построений — вплоть до социальных структур, новых сфер деятельности — ключевую роль, опять же, играет регулярность и интенсивность коммуникации. У истока научной лаборатории, политической партии, предприятия стоит предложенная кем-то идея, понимание, в процессе коммуникации обретающие институциональные формы. В связи с этим можно говорить о расширении семиотического подхода в формате «глубокой семиотики» (deep semiotics), включающей в поле анализа не только «горизонтальное» взаимодействие знаковых систем, но и «вертикаль» («глубину») их генерирования и институционализации (Гульчинский, 2019; 2020).

Все эти отмеченные выше перспективы расширения семиотического анализа не только показывают его потенциал, но отрывают горизонты нового синтеза — например, уже отмеченного в этой работе сопряжения бахтинской программы и идей русского формализма. При всех различиях и взаимной критике позиций их многое сближало: опоязовский акцент на том, «как сделано» произведение, и бахтинский принцип «войти творцом в видимое, слышимое, произносимое»; идея «гам-

бургского счета» и идея «ответственности»; идеи «отталкивания» и категории диалога; в ОПОЯЗе материалу в оппозицию ставились «прием», «конструкция», «стиль», у Бахтина — «эстетический объект». В этом плане и Бахтин, и опоязовцы противостоят постструктуралистским релятивистским теоретическим моделям без ответственной аксиологии. О дополнительности бахтинского диалогизма и остранения Шкловского уже сказано немало. Показательно, что сопряжение двух научных парадигм становится тем более обоснованным в свете выявившихся на XVIII международной бахтинской конференции обстоятельств личностного сближения М. М. Бахтина и В. Б. Шкловского в 1970-х годах, их взаимоуважительных личных отношений.

Поэтому проект развития семиотики, озвученный в докладе Лотмана 1981 года, очень точно наметил такое сближение, а предложенный в данной работе немного ернический опыт «бахтинить Лотмана» и «лотманить Бахтина» дает пример результативности такого сопряжения. Фактически речь идет о перспективе и возможностях интеграции не только структурного и феноменологического подходов (Emerson, 2022), аналитической и герменевтической традиций, но и междисциплинарности, в которой сопрягаются философия, психология, социология, логика и логическая семантика, филология и языкознание. А также речь и об уже реализуемой в когнитивистике и исследованиях искусственного интеллекта конвергенции гуманитарных, точных наук и естествознания, новом синтезе науки, искусства и философии, а возможно, и духовных практик, об изморфизме которых в семиотическом анализе говорил Лотман в своем, как он его в шутку называл, «хулиганском» заявлении (Лотман, 2022, с. 19–20, 21).

Ergo

Намеченный Ю. М. Лотманом в 1981 году проект развития семиотического анализа как перехода от модельных языковых структур к анализу текстов и проявления в них диалоговой природы смыслопорождения существенно расширяет горизонты семиотического подхода, открывая его новые измерения. Выявленные в работе перспективы расширения аппарата семиотики, такие как нарративный подход, глубокая семиотика, анализ динамики социальной институционализации знаковых структур, реализуют потенциал семиотики как эффективной концептуальной платформы междисциплинарности и конвергенции научных дисциплин в понимании происходящих трансформаций и ответственного социально-культурного инжиниринга.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1976.
Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М., 1996.
Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984.

- Золян С. Т. Юрий Лотман о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. №1. С. 106–119.
- Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 2009.
- Лакоф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
- Левинас Э. Путь к другому. СПб., 2006.
- Лотман Ю. М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 10–23.
- Попович М. В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев, 1979.
- Рассел (Рессель) Б. Проблемы философии. СПб., 1914.
- Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 1957.
- Тульчинский Г. Л. «Новые» теории истины и «наивная» семантика (Об альтернативных теориях истины в современной логической семантике) // Вопросы философии. 1986. №3. С. 727–732.
- Тульчинский Г. Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 15–26.
- Тульчинский Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. №11. С. 115–125.
- Тульчинский Г. Л. Факторы динамики художественной культуры // Советское искусствознание. Вып. 19/83 (2). М., 1985. С. 220–248.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. 1965. Вып. 13. С. 233–240.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2015.
- Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2019.
- Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М., 2018.
- Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. Pantheon, 2010.
- Emerson C. Lotman and Bakhtin // The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture / ed. by M. Tamm, P. Torop. Bloomsbury Academic, 2022. P. 78–90.
- Kripke S. Naming and necessity // Semantics of natural language. Reidel Publ., 1972.
- Miall D. S. (ed.) Metaphor: problems and perspectives. Brighton, 1982.
- Ortony A. (ed.) Metaphor and thought. 2nd ed. Cambridge, 1993.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г. Л. Текст как осмысляющий диалог и зашнуровывающая метафора: опыт сопряжения подходов Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 55–74. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3.

TEXT AS A MEANING-GENERATING DIALOGUE
AND A LACING METAPHOR: THE EXPERIENCE
OF CONVERGING YURI LOTMAN'S
AND MICHAIL BAKHTIN'S APPROACHES

G. L. Tulchinskii

St. Petersburg State University;
"Higher School of Economics" National Research University,
Saint Petersburg, Russia

Submitted on November 21, 2021
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3

The article presents a reflection on Yuri Lotman's idea of reorienting semiotics from the analysis of structures to the analysis of texts and their binary dialogical nature. This idea allows correlating Lotman's approach with Bakhtin's concept of a continuous, meaning-generating dialogue. The juxtaposition of these approaches opens up new possibilities for expanding the semiotic analysis of the processes of meaning formation, metaphorization, the dynamics of culture, and the correlation of social and personal experience in these dynamics. The prospects of expanding the scope of the apparatus of semiotics, such as the narrative approach, deep semiotics, and analysis of the dynamics of social institutionalization of sign structures, are revealed. This, in turn, opens up new horizons for the development of the theory of meaning and understanding, the convergence and juxtaposition of semiotic and hermeneutic traditions, analytical philosophy and phenomenology, abstract modeling and the role of subjectivity (self-consciousness of self). Such extensions and perspectives realize the potential of semiotics as an effective conceptual platform of interdisciplinarity and convergence of scientific disciplines in understanding the ongoing transformations and responsible socio-cultural engineering.

Keywords: communication, dialogue, meaning, metaphor, Mikhail Bakhtin, semiotics, text, Yuri Lotman

References

- Aristotle, 1976. *Sochineniya v chetyrekh tomakh*. T. 1 [Works in four volumes. Vol. 1]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 1996. *Sobranie sochinenii v semi tomakh* [Collected works in seven volumes]. Moscow (in Russ.).
- Buber, M., 1993. *Ya i Ty* [I and Thou]. Moscow (in Russ.).
- Damasio, A., 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. Pantheon, 384 p.
- Emerson, C., 2022. Lotman and Bakhtin. In: M. Tamm and P. Torop, eds. *The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture*. London; New York; Dublin: Bloomsbury Publishing Plc, pp. 78–90.
- Gusev, S. S., 1984. *Nauka i metafora* [Science and Metaphor]. Leningrad (in Russ.).
- Harari, Yu. N., 2019. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A Brief History of Humankind]. Moscow (in Russ.).
- Heidegger, M., 2015. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow (in Russ.).
- Henrich, D., 2018. *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub"ektivnosti* [Thinking and being. Readings about subjectivity]. Moscow (in Russ.).
- Ivanov, Vyach. Vs., 1978. *Chet i nechet: asimmetriya mozga i znakovykh sistem* [Even and Odd: Asymmetry of the Brain and Sign Systems]. Moscow (in Russ.).

- Kripke, S., 1972. Naming and necessity. In: *Semantics of natural language*. Dordrecht.
- Kun, T., 2009. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow (in Russ.).
- Lakoff, J., Johnson, M., 2008. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow (in Russ.).
- Levinas, E., 2006. *Put' k drugomu* [Way to another]. St. Petersburg (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 2022. Lecture at Tartu State University, March 13, 1981. *Slovo.ru: Baltic accent*, 13 (2), pp. 10–23 (in Russ.).
- Miall, D.S., ed., 1982. *Metaphor: problems and perspectives*. Brighton: Harvester press, 172 p.
- Ortony, A., ed., 1993. *Metaphor and thought*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 696 p.
- Popovich, M. V., 1979. *Ocherk razvoitiya logicheskikh idei v kul'turno-istoricheskom kontekste* [Sketch of the development of logical ideas in a cultural and historical context]. Kyiv (in Russ.).
- Russell, B., 1914. *Problemy filosofii* [Philosophy problems]. St. Petersburg (in Russ.).
- Russell, B., 1957. *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy* [Human cognition: its scope and boundaries]. Moscow (in Russ.).
- Schreider, Yu. A., 1965. On one model of the semantic theory of information. *Problemy kibernetiki* [Problems of Cybernetics], 13, pp. 233–240 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 1985. Factors of artistic culture dynamics. *Sovetskoe iskusstvoznanie* [Soviet art history], 19/83, Vol. 2. Moscow, pp. 220–248 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 1986. “New” theories of Truth and “naïve” semantics (On alternative theories of truth in modern logical semantics). *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 3, pp. 727–732 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 2018. The problem of meaning in Social Semiotics: deep semiotics as a conceptual extension of Social Semiotics. *Slovo. ru: baltic accent*, 9 (4), pp. 15–26 (in Russ.).
- Tulchinskii, G. L., 2019. Extensions of the Semiotic Analysis Capabilities: the Sources and Content of the “Deep Semiotics” Concept. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 11, pp. 115–125 (in Russ.).
- Turner, V., 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka (in Russ.).
- Zolyan, S. T., 2022. Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 106–119 (in Russ.).

The author

Prof. Grigorii L. Tulchinskii, Saint Petersburg State University; Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii, G. L. 2022, Text as a meaning-generating dialogue and a lacing metaphor: the experience of converging Yuri Lotman’s and Mikhail Bakhtin’s approaches, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 55–74. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-3.

